

Спорт и модерн в России XX века*

Николаус Катцер

Профессор, доктор, директор Германского исторического института в Москве
Адрес: ул. Воронцовская, д. 8, стр. 7, Москва, Российская Федерация 109044
E-mail: nikolaus.katzer@dhi-moskau.org

Олег Кильдюшов
(переводчик)

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: kildyushov@mail.ru

Статья известного немецкого исследователя советского спорта посвящена проблеме структурной взаимосвязи таких современных телесных практик, как спорт, с новым социальным качеством модерной эпохи. Вначале рассматриваются теоретические и исторические аспекты процесса спортизации повседневности в Новое время. Далее говорится о нормативном измерении нового спортивного тела, сформировавшегося в рамках повседневных культурных практик — как официальных, так и неофициальных. В третьем разделе работы внимание исследователя сфокусировано на пространственном измерении массовой спортивной активности в СССР. В четвертой части анализируется параллельное развитие советского спорта и СМИ, обеспечивших эффективные каналы пропаганды желаемых телесных образов. Отдельный раздел статьи посвящен футболу. В частности, указывается на изначально амбивалентное отношение коммунистических властей к самой популярной командной игре, оказавшейся в центре острых спортивно-политических дискуссий в раннем Советском Союзе. Называются уникальные свойства футбола, сделавшие его самым популярным видом спорта. Далее обсуждается вопрос структурной взаимосвязи физической культуры и советской системы, ключевой для понимания феноменальных успехов социалистического спорта на международной арене в постсталинский период. В заключительной части обсуждается сочетание в российском варианте модернизации, начавшейся в начале XX века, инновационных и архаичных элементов, ограничивающих операциональность семантики понятия «модерн» применительно к эмпирическим исследованиям. Завершает статью призыв автора интенсифицировать изучение отдельных дисциплин и других организационных форм, в которых институционально в конкретных национальных условиях получает историческую реализацию глобальный феномен спорта.

Ключевые слова: спорт, модерн, СССР, футбол, сталинизм

© Katzer N., 2018

© Кильдюшов О. В., перевод, 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-155-172

* Текст статьи основан на тезисах выступления автора на конференции «Футбол в оптике социальных наук: русская и французская перспективы», которая была организована 15–16 февраля 2018 года Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ и журналом «Социологическое обозрение» совместно с французскими коллегами: <https://cfs.hse.ru/announcements/213582209.html>.

«Спорт и модерн образуют симбиоз» — данное высказывание понимается сегодня как констатация факта, а не как нуждающийся в доказательстве тезис. Движение, динамика, сила и энергия, с одной стороны, и эстетика, культ тела, техника и символизм — с другой, разве это не признаки двух названных феноменов Новейшей истории? Ведь они оба рассматриваются в качестве продуктов индустриализации и технологического прогресса, постепенно проникших во все сферы жизни. Одновременно спорт и модерн способствуют «демократическим» изменениям в обществе, ставя под вопрос социальные ограничения, прежде всего в городах, и изменяя тем самым труд и частную жизнь.

Но если бы это было так просто! В тоталитарных диктатурах первой половины XX века (фашизм, национал-социализм, сталинизм) упомянутая «прогрессивность» спорта в значительной степени утрачивается. Его значимость вытекает из функции, заключающейся в том, чтобы придавать оттенок «современного» различным образом кодированным общим концептам идеального социального порядка. Опыт военного времени 1914–1918 годов переносится на мирное время: спорт становится частью обязательной программы подготовки в армии, воензированные учения готовят несовершеннолетних к военной службе, а стремление к лучшим результатам повышает конкурентную борьбу в школах и учебных заведениях.

Спорт оказался крайне эффективным инструментом рекламирования государствами самих себя и средством общественной мобилизации. Он стимулирует средства массовой информации (прессу, фотографию, радио, еженедельные киножурналы), а средства массовой информации ускоряют его подъем. Чем больше правительства приписывают государству роль воспитателя, тем быстрее создаются и обширнее становятся программы по оптимальной физической культуре: «гигиенисты» и «гимнасты» спорят между собой по поводу «опасных» и «здоровых» видов спорта, составляют каталоги морально безвредных дисциплин, указывают на «вредные» эффекты и серьезные травмы. Особенно плохой была репутация у футбола. В советской России в начале 1920-х годов именно Красная армия, несмотря на многочисленные возражения, включила этот вид спорта в программу военной подготовки.

Это наследие не было утрачено в ходе Второй мировой войны. Напротив, в годы восстановления разрушенного и во время Холодной войны взаимно усиливающие друг друга процессы деколонизации и глобализации расширяют и углубляют то, что возникло в первой половине XX века: сциентизацию всех значимых сфер жизни общества, экономизацию, рационализацию и профессионализацию, коммерциализацию и маркетинговизацию через медиа, оптимизм планирования и институционализацию. Время «нейтральности» спорта закончилось, отныне его «бесцельность» поставлена под сомнение.

Охватывается ли все это понятием «модерн»? Двигаются ли все эти процессы только в одном направлении — вперед? Уже основатель Олимпийских игр современности барон Пьер де Кубертен был, так сказать, «двойным агентом», стремив-

шимся поставить античность на службу прогрессу. Кто хочет «старого» человека перевоспитать в человека «нового», тот должен охватить его «целиком», то есть одновременно формировать его тело, душу и ум. Спорт позволяет вести мирную конкуренцию поверх национальных границ. Однако Кубертен не мог себе представить участие женщин в борьбе за то, чтобы быть «быстрее, выше и сильнее» (*curtius, altius, fortius*). Это роднило его с его предшественником, немецким «отцом гимнастики» Фридрихом Людвигом Яном. Тот пропагандировал еще более узкий концепт спорта (упражнения на гимнастических снарядах, к которым со временем добавились пешие прогулки, игры, плавание и фехтование). Молодые мужчины с тренированными телами («бурши») должны были усилить немецкое национальное движение (сначала против Наполеона): патриотизм вместо интернационализма, подготовка к защите Отечества, свобода как исключительное право. Его лозунгом (заимствованным из XVI века) было: «Свежесть, благочестие, радость, свобода!»

Понятый таким образом «современный» спорт был амбивалентным с самого начала. Это не удивительно, поскольку термин «модерн» часто используется неточно — и в различных переводах, и как заимствование из разных языков, и как иноязычный вариант: «модерн», «модерность», «модернити», «Moderne», «modernity», «modernism». Какое место в этом понятийном поле занимает русская «современность»? Вместо того чтобы углубляться в подобную дискуссию в жанре истории идей, мне представляется более осмысленным изучить поле спорта (особенно недостаточно исследованного русского спорта) вне макроконцептов «модерн» и «модернизация». Важно прежде всего понять его принципиальные особенности («сущность»). В качестве ключевых здесь могут использоваться формулировки, обеспечивающие непосредственный доступ к изучаемому материалу, например, «тело в движении», «игра и система», «старое в новом».

Нужно показать, насколько они помогают понять и структурировать перечисленные выше аспекты спорта и физической культуры в XX веке. Во всяком случае, методы культурной истории кажутся мне недостаточными для этого. Напротив, незаменимыми здесь являются такие дисциплины, как социальная и экономическая история, история техники, достижения естественных наук (например, биологии, физиологии, психологии, генетики и диетологии) и история медицины. В Новейшей истории существовало множество концептов «нового человека», в которых значительное внимание уделялось научным достижениям. Независимая, «прогрессивная» педагогика и государственная социальная инженерия пересекались в практике и влияли друг на друга, даже когда считалось, что они конкурируют между собой. Институциональная сеть «современного» спорта отчасти компенсировала слабость государственных административных структур, а отчасти автономные пространства свободы противоречили целям «тотальной» государственной политики. Соответственно, *homo sovieticus sportivus* объединил в себе как инновационные, так и традиционные атрибуты: в этом новом герое «модерна» слились воедино авангард и фольклор.

«Тело в движении»

В своем исследовании советской повседневной жизни Наталья Лебина отличает социальные «нормы», определяющие правила общественной жизни и пределы допустимого поведения (официальные государственные акты вроде законов, указов и постановлений), от негосударственных правил поведения, которые не имеют юридической силы (нормирующие суждения) (Лебина, 2015: 7). Более того, на поведение человека влияют моральные представления, привычки и традиции, которые нигде формально не закреплены, но тем не менее воздействуют на социальную практику, поскольку постоянно повторяются. В значительной степени они тоже определяют то, что в повседневной жизни считается «нормой», а что — «аномалией» (патологией, девиацией).

Соответственно, «обычное человеческое тело» становится объектом как «нормативного», так и «нормирующего» социального воздействия. Высокий статус *физкультуры* и спорта связан с тем, что они, говоря словами Пьера Бурдьё, «через телесный и коллективный мимезис социальной организации имеют целью усиление этой организации» (Бурдьё, 1994: 274). Однако в советской действительности ранних 1920-х годов рука государства дотянулась лишь до некоторых сфер жизни постреволюционного общества. Многие подвижные игры и виды спорта спонтанно возродились после разрушительных лет Гражданской войны. Не в последнюю очередь они получили распространение в городской рабочей среде, т. е. «демократизировались». «Досуг», это новое волшебное слово для материально и морально значительно пострадавшего населения, означало самые разные забавы и развлечения в «свободное время», которое все сильнее отделялось от трудовой сферы (если не учитывать попытки введения гимнастических упражнений во время перерывов в работе).

Телесные «движения» и «игры» восхищали всех тех, кто не получал удовлетворения от таких публично пропагандированных форм культурной деятельности, как чтение, театр, кино, пение или игра на музыкальных инструментах. Танцы, особенно с ритуальными и символическими элементами, представляли собой привлекательное и популярное связующее звено с непосредственной спортивной активностью вроде игр в мяч, гимнастики или даже спортивных единоборств. Таким образом, «нормированные» (подчиненные правилам) телесные движения обладали высокой социальной (коммуникативной) значимостью. Экскурс в начальный период раннего советского футбола в городских рабочих кварталах подтверждает это.

Пространство переживаний

С возникшей в Новое время культурой тела связаны специфические места спортивно-социальных практик. Состязания объединяют атлетов и зрителей в отграниченных пространствах. Их коммуникация подчиняется определенным прави-

лам, как и общение болельщиков друг с другом. Эмоциональное «сопереживание» спортивным событиям определяется, с одной стороны, пространственными условиями, а с другой — воздействием общих внешних факторов. Например, чем жестче были условия жизни и труда, тем значимее становилась возможность восстановить силы (Bittner, 1998). Спортивные пространства относились к публичной сфере. Для них характерны те же признаки, что и для других, возникших почти одновременно с ними мест проведения досуга — например, таких как парки развлечений, цирк, зоологический сад, сельскохозяйственная выставка или кинотеатр (Кухер, 2012; Schlögel, 1998; Gestwa, 2005; Dobrenko, Naiman, 2003; Каганский, 2001; Rittersporn, Rolf, Behrends, 2003).

Есть лишь несколько детальных исследований, посвященных архитектуре стадионов и растущей практической и символической значимости советских спортивных сооружений (Акопян, 2018; Köhring, 2010; Dinçkal, 2013). На примере Магнитогорска становится понятно, что возведение стадиона в новом «культурном центре» города было столь же значимо, как и строительство кинотеатра «Магнит» и цирка (Kotkin, 1995: 186). Игры хоккейных и футбольных клубов относились к сфере *культурности* точно так же, как спартакиады команд местных промышленных предприятий и массовых организаций или как парады *физкультурников*. Однако в качестве «зрительского спорта» они принесли с собой специфические формы молодежных культур фанатского соперничества. Последние отличались между собой символами и ритуалами, принадлежностью к определенной социальной прослойке, а также местами сбора. Кроме того, для некоторых из них была характерна повышенная готовность к насилию (Zeller, 2015; Edelman, 1993).

Социология спорта изучает то, как конкретно проявляются близость или удаленность от происходящего на спортивной площадке, непосредственное участие или простое наблюдение, реальная или лишь воображаемая сопричастность. Сокращение дистанции к событию в закрытых спортивных пространствах усиливает интенсивность чувственных переживаний. Но вряд ли только в этом заключается притягательная сила спорта. Тем не менее можно зафиксировать рост всеобщего интереса к спорту после того, как соревнования были перенесены в ограниченную чашу стадионов или даже — в качестве исключения — в такое и без того магическое место, как Красная площадь, на которой в 1930-е годы прошел легендарный футбольный матч. Таким образом, за короткое время возник самодостаточный мир, ставший «тотальным» событием. Границы, отделяющие его от повседневности, были очень четкими, так что время между играми воспринималось как «пустое» и бесполезное, что еще больше усиливало ауру стадиона и желание быть там непременно в момент спортивного празднества (Vertinsky, 1995).

Используемое в культурологии и общественных науках понятие «театральность» позволяет рассматривать спорт и физическую культуру как пространство социального взаимодействия и/или как действие, охватывающее и создающее пространство. Подобно театру стадион также разделен на «сцену» и трибуны, на внутренние и внешние круги, верх и низ, видимые и скрытые зоны (Fischer-Lichte

et al., 2005; Boschert, 2002; Simmel, 1992). В другом контексте была высказана мысль о «театральном эффекте реальности» (Ryklin, 2007). Можно задаться вопросом, насколько эта власть инсценировки действительно проникла в мир спорта. В любом случае различные пространственные сегменты стадиона предполагают разное ролевое поведение, которое лишь в грубых чертах следует определенной драматургии.

До сих пор относительно плохо исследован вопрос о роли спортивных площадок в процессе интеграции советских народов. При этом особый интерес для сравнения представляют региональные и локальные места, в которых, например, собирались для занятия музыкой и танцами. В особом прояснении нуждается вопрос, действительно ли там возникали этнические «воображаемые сообщества» (Бенедикт Андерсон) со стабильными идентичностями (Нарский, 2018; Hipfl, Klaus, Scheer, 2004; Thomas, 1993). Так, следует задаться вопросом о том, в какой мере этнические меньшинства или отдельные нации идентифицировали себя со «своими» атлетами мужского или женского пола, выступавшими под советским флагом, и как они соотносились с различными «пространствами» Союза (Hirsch, 2005; Gebauer, 2002). Многонациональные клубы и советские сборные команды были призваны служить делу гомогенизации единого «советского народа», несмотря на социальные, экономические, религиозные, языковые, региональные и локальные различия. До сих пор не ясно, насколько «нейтрально» воспринималось предлагаемое государством и обществом отождествление через спортивные фестивали и парады физкультурников и в какой мере они позволяли развеять предубеждения в отношении эстетизированного советского государства или русских как доминирующей нации. Многие указывают на то, что управляемый из центра спорт лишь усиливал племенные, этнические и национальные различия (Krämer-Mandau, 1991; Petrone, 2000). Необходимо более интенсивно исследовать вопросы, связанные с тем, какое самопонимание было развито у нерусских игроков в общесоюзных сборных, республиканских клубах и отдельных видах, как они воспринимались извне и канализировались ли с их помощью этнонациональные устремления.

Резкое расширение пространственного горизонта произошло в результате интеграции Советского Союза в мировой спорт, прежде всего в эпоху расцвета советского спорта и пика высших достижений после Второй мировой войны и особенно после первого появления на олимпийской сцене в 1952 году. Политическая задача стать ведущей спортивной державой значительно сдвинула координаты системы советского спорта (Прозументчиков, 2004). После выхода в большой мир атлеты находились под воздействием тех же стимулов и принуждений современного состязательного предприятия, что и их конкуренты. «Дипломатия в тренировочных костюмах» (Гюнтер Хольцвайсиг) выполняла отдельную функцию в соревновании социалистической системы против капиталистического зарубежья, превратив спортивные площадки в арену Холодной войны (Exner-Carl, 1997; Peppard, Riordan, 1993). Однако в тени Олимпийских игр и мировых чемпионатов

продолжала существовать «система социалистического спорта» в Восточной Европе. Фестивали молодежи и студентов, рабочие олимпиады, спартакиады и велогонки мира напоминали о попытке Советского Союза выстроить альтернативную систему современного спорта.

Медийный спорт

Спорт как медийное событие выходит за пределы телесного действия в конкретном пространственном окружении: он фокусирует внимание на теле и распространяет телесные образы в медийной и публичной сфере. Современный спорт и современные медиа пережили параллельный взлет. Насколько они были тесно связаны друг с другом, показывает, например, то, что первые прямые радиотрансляции создавали у слушателя иллюзию акустического «присутствия», а позже телевидение доставляло рекорды советских олимпийцев в самые удаленные уголки империи. Таким образом, спорт гораздо сильнее, чем когда-либо, давал поводы идентифицировать себя с современными героями в действии, с советской системой как центром спорта высших достижений, или с «родиной». А когда атлеты превращались в кинозвезд или — как в последнее время — в репортеров и комментаторов, профессиональные миры смешивались в результате смены ролей.

Медийное опосредование спорта осуществлялось в советскую эпоху при помощи как пространственных, так и телесных конструкций. В эмпирических исследованиях на локальном материале было показано, как медиа могут создавать фиктивные транснациональные пространства идентификации. Они оказываются особенно привлекательными в мобильных обществах, полиэтничных государствах с массовой миграцией населения или же в окраинных регионах. С помощью медиа спорт предлагает новые формы участия — вроде «совместного обладания вместе с другими» (Жак Деррида) и «чувствовать себя как дома» (Spaces of Identity, 1995). Для спорта как медиасобытия характерно то, что он по большей части производится самими медиа: транслируемые ими образы постоянно напоминают о нем, они усиливают его притягательность, передавая образцы языка, знаки и символы (Kuhn, 2002). В течение десятилетий спортивные события конкретизировали ритуальное представление о постоянно расширяющемся Союзе советских республик. Как более поздние «велогонки мира» размечали пространство советского содружества, так и регулярные турне, рабочие олимпиады, парады и марши охватывали незнакомые регионы. Спортивные мотивы стали средой расширения модерности. С 1920-х годов благодаря радио сложился воображаемый образ «социалистической родины» (Lovell, 2015). Начиная с 1950-х телевидение обеспечивало ежедневный поток изображений. Постепенно медийный спорт сформировал в головах советских людей представление, что успех атлетов распространяется из центра на периферию (Murašov, Witte, 2003; Горяева, 2000). Радио, кино и телевидение маркируют этапы этого проникновения спорта в советское пространство.

Советские спортивные образы очень важны для понимания того, какие образцы современной телесности пропагандировались публично, а какие попали в обращение независимо от официальной пропаганды (Деготь, 2000; Khoroshilov, Klemp, 2003). Подобно художникам, воодушевленные современными технологическими процессами фотографы также часто транслировали концепты «совершенных» или функциональных тел. Именно они выступали моделями оптимального движения или результата (Wünsche, 2015; Krieger, 2006; Bowlt, 1996; Paperno, 1994). Для понимания советских спортивных образов может быть полезно понятие «фантазм». В соответствии с ним тела становятся пространством для проекций, в которых связываются идеалы и ожидания, смыслы и очевидности и при этом в них содержатся многообразные варианты идентификации (Sarasin, Tanner, 1998; Laplanche, Pontalis, 1992).

Существующие исследования спортивных образов в социалистическом реализме опираются на обширный материал, однако в них этот материал в основном группируется по заранее заданным тематическим полям (Sobol Levent, 2004). Дальнейшие исследования могут быть посвящены анализу конкретных визуальных стратегий: например, фотографические практики фиксируют жесты и движения тела как нормативные идеальные состояния (Мислер, 1997). Передаваемые в репортажах изображения опять-таки транслируют представления о теле, причем этот поток усиливался по мере того, как спортивные образы достигали беспрецедентного распространения в западноевропейских средствах массовой информации. Удивительно, но для многих спортивных образов в социалистическом реализме скорее характерны статика и связь с пространством, нежели динамика и открытость.

Футбол и модерн — современный футбол?

Был ли футбол современным явлением? В свидетельствах, дневниках и письмах начала 1920-х годов часто мимоходом упоминаются «футбол», «игра в футбол», «игра с мячом». Иногда в них сообщаются некоторые подробности, например, что «офицеры дивизии развлекались игрой в шахматы и футбол» или что «вечерами свободные от службы казаки играли в футбол до изнеможения». На Юге ли только что созданного СССР, на Дону или Кубани, на Украине или в Петрограде-Ленинграде — повсюду игра с мячом была неотъемлемой частью повседневной жизни и досуга. Он был достаточно значимым, чтобы быть упомянутым, но в то же время настолько само собой разумеющимся, что достаточно скупых слов, чтобы представить себя знатоком и посвященным. Позже, в 1930-е годы, когда многие города заимели стадионы и выделенные игровые площадки, даже пассивное потребление футбольного матча относилось к престижной культурной программе. Мужчины посещали арены «в обществе», покупали билеты, как на концерт, встречались там с друзьями или приводили туда подруг.

Еще до начала «великой истории» советского футбола эта игра захватила публичные пространства, площади, поляны и дворы. Почти везде люди всех возрастов гоняли мяч. Если его не имелось в наличии, то делали клубок из тряпок, что не стоит считать таким уж необычным — подобное практиковалось уже в древней традиционной игре (Frykholm, 1997). Игроки не забывали упомянуть растяжения или травмы. Они поднимали свой престиж и показывали, с какой серьезностью велась игра. Футбол расслаблял и отвлекал от менее приятных обязанностей. В перерывах или после занятий учащиеся устремлялись на природу, где без промедления приступали к игре.

Футбол в России возник в эпоху войн и революций. С самого начала ему были свойственны моменты (элементы?) борьбы, нападения и обороны. Не поэтому ли подобная игра ногами в мяч была революционной, прогрессивной, современной? Он быстро стал массовым спортом и вызывал огромное воодушевление. Но в поле зрения большевиков новая игровая форма движения попала с опозданием. Они, желавшие кардинально изменить *все* — государство, экономику, общество, человека — увидели в футболе скорее неожиданного соперника. Он казался неполитическим и слишком сильно воодушевлял своих сторонников. Уже потому большевики не могли остаться к нему равнодушными.

Чаще всего Красный Октябрь считается границей между имперским спортом и спортом при советской власти. Вообще-то это не так. Среди видных большевиков мы не находим убежденных спортсменов. Ленин не остался в памяти ни с оружием в руках, ни в качестве отца гимнастики или друга мяча¹. Тем не менее ретроспективно мы убеждены в том, что спорт является неотъемлемой частью социального эксперимента, который кардинально изменил мир. Но мы мало знаем о том, как он был экспроприрован революционерами после их победы.

Футбол был очень популярен и тем не менее вызывал споры. Как и в случае с боксом, этот вид спорта подозревали в том, что он противоречит целям государственной политики в области здравоохранения, является «опасным» или даже «вредным». Что из-за непредсказуемых рисков он несовместим с идеалом человека, стремящегося к полной физической и психической гармонии.

Такие вердикты, как правило, выносили так называемые «гимнастики» или «гигиенисты». Независимо от государственных медицинских кампаний или же по аналогии с ними, они отстаивали сбалансированную, умеренную телесную культуру (*физкультуру*), в принципе отвергали спортивные единоборства и дисциплины с ярко выраженной состязательностью. Ведь те являлись противоестественными и противоречащими (еще не написанным) «пролетарским» или «советским» ценностям (Starks, 2008: 193).

1. За исключением произведений иронического постмодернизма, изображающих Ленина исполняющим дриблинг в костюме (см. серию графики художника Павла Пепперштейна 1980-х годов) или актуализирующих его посредством литературных трюков (как Лев Данилин в сочинении «Ленин: пантократор солнечных пылинок»).

Для «физкультурников» было очевидно, что как командный спорт футбол имеет аналогии с войной. В пользу этого говорило то, что он исходно — если игра идет без строгого регулирования — подстрекает игроков к ожесточению, жесткости и безрассудству. Победы достигаются в «борьбе», требуют крайних физических усилий вплоть до полного изнеможения, принуждают к обороне своего поля любой ценой. Именно эта самоотверженная (или безрассудная) преданность означает серьезную угрозу здоровью. Поэтому «гимнасты» и «гигиенисты» рассматривали сам принцип агона как зло — из-за крайней физической нагрузки. Иначе говоря: этот яростный диспут подтверждает, что советский футбол не был нормативным проектом «сверху». Однако неудивительно, что Красная армия — несмотря на все опасения — была первым государственным учреждением, объявившим его частью обязательной программы (для новобранцев).

Поддержку критики футбола получили со стороны немецкой спортивной медицины. В ее рамках так называемые «травмы с тяжелыми повреждениями» относились к наиболее продвинутой клинической практике. Более того, опасались длительного повреждения внутренних органов, особенно сердца, легких и почек — из-за одностороннего и экстенсивного напряжения организма. Поскольку сотни тысяч молодых людей гоняли мяч, по их мнению, существовала угроза нанесения непредвиденного вреда народному здоровью (Романов, 1922: 4, 6 и далее). Из-за «резких и энергичных движений» «игра с мячом» казалась непредсказуемой².

Футбол был относительно автономен. Им было невозможно быстро овладеть так же, как другими видами спорта. Его спонтанное начало («снизу»), его динамичность в качестве командного вида спорта и удивительный момент непредсказуемости (случайность) обеспечили ему прежде всего высокий уровень «своенравия». Как в никакой другой дисциплине, в футболе восхищало изменчивое сочетание индивидуальных навыков и коллективных командных действий. В конечном счете он предлагал лишь абстрактную внешнюю форму, оставляя зрителю возможность самому заполнить ее содержанием и самому интерпретировать ее (Геллер, 1985).

Игра и система

«Советское» в истории России XX века по-прежнему напоминает черный ящик. Среди многочисленных попыток определить его более предметно очень редко прямо и подобающим образом обращается внимание на спорт. В рамках истории повседневности 1920-х и 1930-х годов он находится или на периферии, или является одной из многих сфер. Преобладают другие темы: мир труда и приватность, привычки в еде и питье, гигиена и здоровье, культура праздника и повседневные практики, жилищный комфорт, одежда и мода, (секуляризованные) нормы пове-

2. Известия спорта. 1923. № 1. С. 5.

дения и стили жизни, социальные роли полов (гендер), кино, театр и библиотеки, потребление и досуг. Очевидно, что большинство из этих областей пересекаются со спортом и делают его уникальным средством анализа общества. Его стремительное восхождение в XX веке отражает фундаментальные социальные и культурные процессы изменения общества. Он становится основной сферой общественной и частной жизни, культуры в целом, и занимает поля, освободившиеся в ходе секуляризации³. Вопрос, можно ли говорить о нем как о религии, является спорным. Однако несомненно, что смысловое поле спорта обеспечивает символический капитал, подпитывающий его зрителей и поклонников. По крайней мере, так это видят этнологи и религиоведы, которые подобно Роже Кайуа хотят понять суть «игры». Они относят «опьянение» и «упоение» к сопровождающим его явлениям. Таким образом, игроки покидают сферу обычной жизни (Caillois, 2017).

Но к системному характеру спорта также относятся политэкономические и идеологические контексты, например, «советское» или «социализм». Обусловили ли эти контексты соответствующий особый путь развития, еще совершенно не изучено. *Физкультуру* можно обозначить в качестве особой формы гимнастики. Но объясняет ли она — как «системный» или спортивно-технологический задел — ту «машину по установлению рекордов», что существовала в постсталинское время?

Публицистика холодной войны убеждает в этом: институциональная сеть (функциональный механизм) зависимых, централизованно управляемых комитетов, клубов и добровольных групп позволяла государству концентрировать ресурсы и создавать «атлетов-роботов». До тех пор, пока такая модель контроля и повышения результативности оставалась эксклюзивной, были возможны серии побед. Это обеспечивало эффективное привлечение, обучение и отбор лучших. Но это еще не доказывает того, каким образом серийные успехи «позднего социализма» 1960-х и 1970-х годов связаны с часто упоминаемым «менталитетом победителей» (winning spirit) 1930-х годов, т. е. были ли ментальные и психические установки на победу атлетов — наряду с технологическими достижениями — необходимыми условиями успеха.

Старое в новом (традиция и инновации)

К поразительным чертам авангардистских движений начала века относится ренессанс традиционного искусства, старых ремесленных технологий и «народных» изделий. «Традиция» как бы заново «изобреталась» и переносилась в эпоху машин (Adamson, 1983). Искусство, выросшее из ремесла, сопоставляли с промышленным производством, возникшим из мануфактуры и еще более старых методов. Таким образом, архаичные элементы давали импульс модернизации. Подобное переплетение инновационных течений с домодерными или регрессивными элементами

3. О «расколдовывании» мира см. труды Макса Вебера, особенно: Weber, 2010. Ср.: Joas, 2017.

характерно прежде всего для художественной среды полиэтничных империй. «Заново открытые», «автохтонные» и «исконные» источники противопоставлялись «национальному» своеобразие империи (Шевеленко, 2017).

Вышедшая недавно статья Майкла Дэвид-Фокса «Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная?» вызвала жаркую дискуссию (Дэвид-Фокс, 2016). Споры развернулись вокруг вопроса о том, была ли вообще в советское и постсоветское время *модерность*. Если да, то требовалось уточнить, в какой форме, с каким содержанием и какими особенностями. Спектр откликов на статью был столь же разнообразен, как и варианты термина «модерн». Примечательно, что схоже звучащие варианты использовались как синонимы, то есть фактически стирались семантические нюансы.

Для истории спорта это означает следующее: амбивалентные или противоположные аспекты должны восприниматься всерьез и находить адекватное понятное выражение. Понятие «модерн» позволяет это сделать лишь очень условно. В любом случае гораздо более важным мне представляется активизировать эмпирические исследования, касающиеся истории отдельных спортивных дисциплин и состязаний, индивидуальных и коллективных акторов, организаций и институтов, трансферов, взаимных и обратных влияний, а также транснациональных связей. Только при их достаточной плотности появится шанс найти теоретические образцы, которые помогут объяснить как «современный» спорт в целом (глобально), так и его специфические национальные, региональные и местные формы.

Литература

- Акопян Э. С. (сост.). (2018). Архитектура стадионов. М.: Кучково поле.
- Бурдые П. (1994). Программа для социологии спорта // *Бурдые П. Начала / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos. С. 257–275.*
- Геллер М. Я. (1985). Машина и винтики: история создания советского человека. Л.: Overseas Publications Interchange.
- Горяева Т. М. (2000). Радио России: партийно-государственный контроль радиовещания в 1920-е — начале 1930-х гг.: Документированная история. М.: РОСС-ПЭН.
- Деготь Е. (ред.). (2000). Память тела: нижнее белье советской эпохи. Каталог выставки. СПб.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга.
- Дэвид-Фокс М. (2016). Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // *Новое литературное обозрение. № 4. С. 19–44.*
- Каганский В. (2001). Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение.
- Кухер К. (2012). Парк Горького: культура досуга в сталинскую эпоху. М.: РОСС-ПЭН.

- Лебина Н. (2015). Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение.
- Мислер Н. (1997). Хореологическая лаборатория ГАХН // Вопросы искусствознания. Т. 11. № 2. С. 61–68.
- Нарский И. (2018). Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогли и что из этого вышло. М.: Новое литературное обозрение.
- Прокуменщиков М. Ю. (2004). Большой спорт и большая политика. М.: РОССПЭН.
- Романов М. (1922). Опасности спорта для здоровья // Известия спорта. № 11. С. 6.
- Шевеленко И. (2017). Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М.: Новое литературное обозрение.
- Adamson G. (2013). *The Invention of Craft*. L.: Bloomsbury Academic.
- Bale J. (ed.). (1995). *The Stadium and the City*. Keele: Keele University Press.
- Bittner S. V. (1998). Green Cities and Orderly Streets. Space and Culture in Moscow 1928–1933 // *Journal of Urban History*. Vol. 25. № 1. P. 22–56.
- Boschert B. (2002). Der Sport und der Raum — der Raum des Sports // *Sport-Zeit*. № 2. S. 19–37.
- Bowlt J. E. (1996). Body Beautiful: The Artistic Search for the Perfect Physique // Bowlt J. E., Matich O. (eds.). *Laboratory of Dreams: The Russian Avant-Garde and Cultural Experiment*. Stanford: Stanford University Press. P. 37–58.
- Cailliois R. (2017). *Die Spiele und die Menschen: Maske und Rausch*. Berlin: Matthes & Seitz.
- Dinçkal N. (2013). Sportlandschaften: Sport, Raum und (Massen-)Kultur in Deutschland 1880–1930. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Dobrenko E., Naiman E. (eds.). (2003). *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*. Seattle: University of Washington Press.
- Edelman R. (1993). *Serious Fun: A History of Spectator Sports in the U.S.S.R.* Oxford: Oxford University Press.
- Exner-Carl K. (1997). *Sport und Politik in den Beziehungen Finnlands zur Sowjetunion 1940–1952*. Wiesbaden: O. Harrassowitz.
- Fischer-Lichte E., Horn Ch., Umathum S., Warstat M. (Hg.). (2005). *Diskurse des Theatralen*. Tübingen: A. Franke.
- Frykholm P. (1997). Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow // *Journal of Sport History*. Vol. 24. № 2. P. 143–154.
- Gebauer G. (2002). Der Körper als Symbol für Ethnizität // Gebauer G. *Sport in der Gesellschaft des Spektakels*. Sankt Augustin: Academia. S. 219–223.
- Gestwa K. (2005). Raum — Macht — Geschichte: Making Sense of Soviet Space // *Osteuropa*. Jr. 55. Heft 3. S. 46–69.
- Hipfl B., Klaus E., Scheer U. (Hg.). (2004). *Identitätsräume: Nation, Körper und Geschlecht in den Medien. Eine Topografie*. Bielefeld: Transcript.
- Hirsch F. (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.

- Hobsbawm E. J., Ranger T. O.* (1983). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Joas H.* (2017). *Die Macht des Heiligen: Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung*. Berlin: Suhrkamp.
- Khoroshilov P., Klemp K.* (Hg.). (2003). *Nackt für Stalin: Körperbilder in der russischen Fotografie der 20er und 30er Jahre*. Frankfurt am Main: Anabas.
- Köhring A.* (2010). *Exploring the Power of the Curve. Projects for an International Red Stadium in 1920s Moscow* // *Katzer N., Budy S., Köhring A., Zeller M.* (eds.). *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society*. Frankfurt am Main: Campus. P. 41–60.
- Kotkin S.* (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley: University of California Press.
- Krämer-Mandau W.* (1991). *Regionale Spiele und Sportarten auf dem Gebiet der ehemaligen Sowjetunion* // *Stadion*. Jr. 17. Heft 2. S. 245–277.
- Krieger V.* (2006). *Kunst als Neuschöpfung der Wirklichkeit: Die Anti-Ästhetik der russischen Moderne*. Köln: Böhlau.
- Kuhn A.* (2002). *An Everyday Magic: Cinema and Cultural Memory*. L.: I. B. Tauris.
- Laplanche J., Pontalis J.-B.* (1992). *Urphantasie: Phantasien über den Ursprung, Ursprünge der Phantasie*. Frankfurt am Main: Fisher.
- Lovell S.* (2015). *Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970*. Oxford: Oxford University Press.
- Morley D., Robins K.* (1995). *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes, and Cultural Boundaries*. L.: Routledge.
- Murašov J., Witte G.* (Hg.). (2003). *Die Musen der Macht: Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre*. München: W. Fink.
- Paperno I.* (1994). *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*. Stanford: Stanford University Press.
- Peppard V., Riordan J.* (1993). *Playing Politics: Soviet Sports Diplomacy to 1992*. Greenwich: JAI Press.
- Petrone K.* (2000). *«Life Has Become More Joyous, Comrades»: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
- Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. C.* (Hg.). (2003). *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Ryklin M.* (2003). *Räume des Jubels: Totalitarismus und Differenz*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Sarasin Ph., Tanner J.* (Hg.). (1998). *Physiologie und industrielle Gesellschaft: Studien zur Verwissenschaftlichung des Körpers im 19. und 20. Jahrhundert*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schlögel K.* (1998). *Der Zentrale Gor'kij-Kultur- und Erholungspark (CPKiO) in Moskau: Zur Frage des öffentlichen Raums im Stalinismus* // *Hildermeier M.* (Hg.). *Stalinismus*

- vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag. S. 255–274.
- Simmel G.* (1992). *Der Raum und die räumlichen Ordnungen der Gesellschaft // Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. S. 687–790.
- Sobol Levent N.* (2004). *Healthy Spirit in a Healthy Body: Representations of the Sports Body in Soviet Art of the 1920s and 1930s.* Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Starks T.* (2008). *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State.* Madison: University of Wisconsin Press.
- Thomas H.* (ed.). (1993). *Dance, Gender and Culture.* L.: Palgrave Macmillan.
- Vertinsky P.* (2004). *Sites of Sport: Space, Place, Experience.* L.: Routledge.
- Weber M.* (2010). *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus: Vollständige Ausgabe / Hg. von D. Kaesler.* München: C. H. Beck.
- Wünsche I.* (2015). *The Organic School of the Russian Avant-Garde: Nature's Creative Principles.* Farnham: Ashgate.
- Zeller M.* (2015). *Das sowjetische Fieber: Fußballfans im poststalinistischen Vielvölkerreich.* Stuttgart: ibidem.

Sport and Modernity in 20th-Century Russia

Nikolaus Katzer

Professor, Director of the Deutschen Historischen Instituts Moskau
 Address: Vorontsovskaya stt., 8/7, Moscow, Russian Federation 109044
 E-mail: nikolaus.katzer@dhi-moskau.org

Oleg Kildyushov (translator)

Research Fellow, National Research University Higher School of Economics
 Address: Myasnitskaya Str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
 E-mail: kildyushov@mail.ru

The article by a well-known German researcher of Soviet sports is devoted to the problem of the structural interconnection between the corporeal practices of modernity (i. e., sports) with its novel social conditions. First, it considers the theoretical and historical aspects of the creation of a sporting culture process in the everyday life of modernity. It then refers to the normative dimensions of a new sport-oriented body formed within the framework of everyday formal and informal cultural practices. In the third section of the work, the researcher's attention is focused on the spatial dimension of mass sporting activity in the USSR. The fourth section analyzes the parallel development of Soviet sports and the mass media which provided effective channels for promoting desired corporeal images. A special section of the paper is devoted to a football game. It particularly demonstrates the initially-ambivalent attitude of the Communist authorities towards this most popular of team play, which turned out to be at the center of a bitter political dispute during the early Soviet years. The article highlights the peculiar properties of football which made it the most popular sports activity. The article also discusses the question of the structural

interrelation between physical culture and the Soviet system, which is key to understanding the extraordinary international success of socialist sports in the post-Stalinist period. The final part discusses the combination of the innovative and the archaic elements in the Russian version of modernization at the beginning of the 20th century, which limits the semantic applicability of the term “modern” in relation to empirical research. The article concludes with the author’s call to intensify the study of particular disciplines and other forms of organization wherein the phenomenon of global sports finds its historical realization with regard to its peculiar national framework.

Keywords: sports, modern, USSR, football, Stalinism

References

- Adamson G. (2013) *The Invention of Craft*, London: Bloomsbury Academic.
- Bale J. (ed.) (1995) *The Stadium and the City*, Keele: Keele University Press.
- Bittner S. V. (1998) Green Cities and Orderly Streets. Space and Culture in Moscow 1928–1933. *Journal of Urban History*, vol. 25, no 1, pp. 22–56.
- Boschert B. (2002) Der Sport und der Raum — der Raum des Sports. *Sport-Zeit*, no 2, pp. 19–37.
- Bourdieu P. (1994) Programma dlya sociologii sporta [Program for a Sociology of Sport]. *Nachala* [Beginnings], Moscow: Socio-Logos, pp. 257–275.
- Bowlt J. (1996) Body Beautiful: The Artistic Search for the Perfect Physique. *Laboratory of Dreams: The Russian Avant-Garde and Cultural Experiment* (eds. J. E. Bowlt, O. Matich), Stanford: Stanford University Press, pp. 37–58.
- Caillois R. (2017) *Die Spiele und die Menschen: Maske und Rausch*, Berlin: Matthes & Seitz.
- David-Fox M. (2016) Modernost’ v Rossii i SSSR: otsutstvuyushchaya, obshchaya, al’ternativnaya ili perepletennaya? [Soviet Modernity: None, Shared, Alternative or Entangled]. *New Literary Observer*, no 4, pp. 19–44.
- Diñkal N. (2013) *Sportlandschaften: Sport, Raum und (Massen-)Kultur in Deutschland 1880–1930*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Diogot E. (ed.) (2000) *Pamyat’ tela: nizhnee bel’e sovetskoj ehphoi* [Body’s Memory: Underwear of the Soviet Era], Saint Petersburg: State Museum of the History of Saint Petersburg.
- Dobrenko E., Naiman E. (eds.) (2003) *The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space*, Seattle: University of Washington Press.
- Edelman R. (1993) *Serious Fun: A History of Spectator Sports in the U.S.S.R.*, Oxford: Oxford University Press.
- Exner-Carl K. (1997) *Sport und Politik in den Beziehungen Finnlands zur Sowjetunion 1940–1952*, Wiesbaden: O. Harrassowitz.
- Fischer-Lichte E., Horn Ch., Umathum S., Warstat M. (eds.) (2005) *Diskurse des Theatralen*, Tübingen: A. Franke.
- Frykholm P. (1997) Soccer and Social Identity in Pre-Revolutionary Moscow. *Journal of Sport History*, vol. 24, no 2, pp. 143–154.
- Gebauer G. (2002) *Der Körper als Symbol für Ethnizität*. Gebauer G. *Sport in der Gesellschaft des Spektakels*, Sankt Augustin: Academia, pp. 219–223.
- Geller M. (1985) *Mashina i vintiki: istoriya sozdaniya sovetskogo cheloveka* [Cogs in the Soviet Wheel: The Formation of Soviet Man], London: Overseas Publications Interchange.
- Gestwa K. (2005) Raum — Macht — Geschichte: Making Sense of Soviet Space. *Osteuropa*, vol. 55, no 3, pp. 46–69.
- Goryaeva T. (2000) *Radio Rossii: Partijno-gosudarstvennyj kontrol’ radioveshchaniya v 1920-e — nachale 1930-h gg. Dokumentirovannaya istoriya* [Radio of Russia: Party and State Control of Broadcasting in 1920s–1930s. Documented History], Moscow: ROSSPEN.
- Hipfl B., Klaus E., Scheer U. (Hg.) (2004) *Identitätsräume: Nation, Körper und Geschlecht in den Medien. Eine Topografie*, Bielefeld: Transcript.
- Hirsch F. (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*, Ithaca: Cornell University Press.

- Hobsbawm E. J., Ranger T. O. (1983) *The Invention of Tradition*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Joas H. (2017) *Die Macht des Heiligen: Eine Alternative zur Geschichte von der Entzauberung*, Berlin: Suhrkamp.
- Kagansky V. (2001) *Kul'turnyj landschaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and the Soviet Living Space], Moscow: New Literary Observer.
- Khoroshilov P., Klemp K. (eds.) (2003) *Nackt für Stalin: Körperbilder in der russischen Fotografie der 20er und 30er Jahre*, Frankfurt am Main: Anabas.
- Köhring A. (2010) Exploring the Power of the Curve: Projects for an International Red Stadium in 1920s Moscow. *Euphoria and Exhaustion: Modern Sport in Soviet Culture and Society* (eds. N. Katzer, S. Budy, A. Köhring, M. Zeller), Frankfurt am Main: Campus, pp. 41–60.
- Kotkin S. (1995) *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*, Berkeley: University of California Press.
- Krämer-Mandau W. (1991) Regionale Spiele und Sportarten auf dem Gebiet der ehemaligen Sowjetunion. *Stadion*, vol. 17, no 2, pp. 245–277.
- Krieger V. (2006) *Kunst als Neuschöpfung der Wirklichkeit: Die Anti-Ästhetik der russischen Moderne*, Köln: Böhlau.
- Kuher K. (2012) *Park Gor'kogo: kul'tura dosuga v stalinskuyu ehphu* [Gorky Park: Leisure Culture in the Stalin Era], Moscow: ROSSPEN.
- Kuhn A. (2002) *An Everyday Magic: Cinema and Cultural Memory*, London: I. B. Tauris.
- Laplanche J., Pontalis J.-B. (1992) *Urphantasie: Phantasien über den Ursprung, Ursprünge der Phantasie*, Frankfurt am Main: Fisher.
- Lebina N. (2015) *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Standards and Anomaly], Moscow: New Literary Observer.
- Lovell St. (2015) *Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970*, Oxford: Oxford University Press.
- Misler N. (1997) Horeologicheskaya laboratoriya GAHN [Choreologist Laboratory of the State Academy of Fine Arts]. *Voprosy iskusstvovznaniya*, vol. 11, no 2, pp. 61–68.
- Morley D., Robins K. (1995) *Spaces of Identity: Global Media, Electronic Landscapes, and Cultural Boundaries*, London: Routledge.
- Murašov J., Witte G. (Hg.) (2003) *Die Musen der Macht: Medien in der sowjetischen Kultur der 20er und 30er Jahre*, München: W. Fink.
- Narsky I. (2018) *Kak partiya narod tancevat' uchila, kak baletmeystery ej pomogali i chto iz ehtogo vyshlo* [How Did the Soviet Party Teach People How to Dance, How Did the Choreographers Help It, and What Happened as a Result], Moscow: New Literary Observer.
- Paperno I. (1994) *Creating Life: The Aesthetic Utopia of Russian Modernism*, Stanford: Stanford University Press.
- Peppard V., Riordan J. (1993) *Playing Politics: Soviet Sports Diplomacy to 1992*, Greenwich: JAI Press.
- Petrone K. (2000) *"Life Has Become More Joyous, Comrades": Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington: Indiana University Press.
- Prozumenshchikov M. (2004) *Bol'shoj sport i bol'shaya politika* [Big Sport and Big Politics], Moscow: ROSSPEN.
- Rittersporn G. T., Rolf M., Behrends J. C. (eds.) (2003) *Sphären von Öffentlichkeit in Gesellschaften sowjetischen Typs: Zwischen partei-staatlicher Selbstinszenierung und kirchlichen Gegenwelten*, Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Romanov M. (1922) *Opasnosti sporta dlya zdorov'ya* [The Dangers of Sport for Health]. *Izvestiya sporta*, no 11, p. 6.
- Ryklin M. (2003) *Räume des Jubels: Totalitarismus und Differenz*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Sarasin Ph., Tanner J. (eds.) (1998) *Physiologie und industrielle Gesellschaft: Studien zur Verwissenschaftlichung des Körpers im 19. und 20. Jahrhundert*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Schlögel K. (1998) Der Zentrale Gor'kij-Kultur- und Erholungspark (CPKIO) in Moskau: Zur Frage des öffentlichen Raums im Stalinismus. *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung* (ed. M. Hildermeier), München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, pp. 255–274.

- Shevelenko I. (2017) *Modernizm kak arhaizm: nacionalizm i poiski modernistskoj ehstetiki v Rossii* [Modernism as Archaism: Nationalism and the Quest for a Modernist Aesthetic in Russia], Moscow: New Literary Observer.
- Simmel G. (1992) Der Raum und die räumlichen Ordnungen der Gesellschaft. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*, Frankfurt am Main: Suhrkamp, pp. 687–790.
- Sobol Levent N. (2004) *Healthy Spirit in a Healthy Body: Representations of the Sports Body in Soviet Art of the 1920s and 1930s*, Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Starks T. (2008) *The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Thomas H. (ed.) (1993) *Dance, Gender and Culture*, London: Palgrave Macmillan.
- Vertinsky P. (2004) *Sites of Sport: Space, Place, Experience*, London: Routledge.
- Weber M. (2010) *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus: Vollständige Ausgabe*, München: C. H. Beck.
- Wünsche I. (2015) *The Organic School of the Russian Avant-Garde: Nature's Creative Principles*, Farnham: Ashgate.
- Zeller M. (2015) *Das sowjetische Fieber: Fußballfans im poststalinistischen Vielvölkerreich*, Stuttgart: ibidem.